

Оглавление

1. На ковер.....	7
2. Комната.....	17
Роза.....	30
3. Уроки.....	32
4. Идея.....	42
Роза.....	51
5. Съёмки.....	53
6. Новый герой.....	65
Роза.....	73
7. Немного не вовремя.....	76
8. Зайчонок.....	87
Роза.....	99
9. Достоинство.....	104
10. Монтаж.....	114
Роза.....	122
11. Все получилось.....	123

1. НА КОВЕР

Впервые в жизни я оказалась в полицейском участке. Да еще и в чужой стране. Сначала было страшно, а сейчас сил бояться не осталось. Я равнодушно сдуваю волосы с лица, смотрю в сторону и не особо помогаю полицейскому — не иду, значит, на сотрудничество. Во-первых, я все еще не идеально говорю на местном языке, во-вторых, знаю, что полицейские мне ничего плохого не сделают. Есть вещи похуже, чем полицейские. Самое страшное сейчас — даже не гнев мамы. Мама далеко, и не факт, что мы вообще увидимся. А вот папа... Папа с его грустными глазами. С его усталостью. Со всем, что навалилось на него за эти месяцы...

Рядом с полицейским уныло зеваает какая-то женщина. Видимо, социальный педагог или типа того — следит, чтобы не нарушали права ребенка. Но ей, похоже, все равно: она невпопад кивает, ее дурацкая прическа колышется, она молча пишет что-то в своем протоколе. Кабинет обставлен так себе, ремонт здесь явно давно не делали, мебель старая. Но при этом уютно, что ли. Как говорит мама, опрятно. На подоконнике цветы в горшках, на стене фотографии с полицейскими. Полицейские на них то высаживают деревья в парке, то

позируют с группами детей. Мне выдали бутылку воды и тарелку с печеньем. Похоже, ждать еще долго — папу долго искали, а теперь он только сюда едет.

— Адель... — опять включает свою шарманку полицейский.

— Аделия, — в третий раз поправляю его я, просто чтобы хоть в чем-то звучать уверенно.

— Да, Аделия... простите... Давайте еще раз. Нам надо понять, что произошло. Вы угрожали однокласснику, разорвали его портфель, утопили его учебники и обещали в следующий раз избить. Мама молодого человека планирует подать в суд, тогда все будет еще сложнее. Она уважаемый человек в городе...

— Конечно же уважаемый! А я вообще никто в вашем городе! Какая-то дурацкая беженка!

— Вас никто не хочет обидеть. Нам нужно понять...

Им нужно понять! Да что они могут понять!

Этим утром на математике я была у доски. Математику я люблю, тут язык особо не нужен. Так что у меня неплохо получается даже сейчас. Так вот, была у доски, учитель уткнулся в учебник, дурацкие одноклассники занимались своими дурацкими делами. А потом я услышала самолет.

Знаете, как гудит самолет? Самолет гудит страшно. Звук нарастает постепенно, иногда появляется легкий свист, иногда рокот. Потом мелко вибрирует небо, вибрируют стены, потом ноги и всё в животе. Пахнет ужом. Сердце колотится как будто разом во всем теле — и в горле, и в коленях. Дышишь часто-часто, потом перестаешь. Руки потеют, глаза становятся воронками,

словно смотришь в трубочку, а там дым. Все внутри обрывается. То ли бежать, то ли лечь и закрыть голову руками, то ли залезть под стол, то ли прижаться к стене. Надо что-то делать, но я не знаю что и просто стою. Стою и не могу оторвать глаз от самолета за окном. Жду, что кто-то крикнет мне, что делать. Сердце колотится все сильнее, а рук и ног будто нет. Я камень, в меня с размаху насквозь втыкают ледяные иглы.

Я почти научилась справляться с этим. Обычно мы падали и закрывали головы. Теперь я умею стоять и смотреть на самолет, сжимая свой ужас внутри. Но все равно замираю. Я камень, утыканный иглами.

И вот пока я стояла у доски... Ну, об этом даже рассказывать невозможно...

Я стояла у доски, и тут что-то грохнуло. Еще и еще. Я дернулась, сжалась и села на корточки, закрыла глаза и зажала уши. Класс ржал.

— Бомбы, бомбы, тра-та-та! — Гера вскочил на стул и грохал учебниками о парту.

— Гера!! — орал учитель. — Немедленно сядь на место и положи книгу. Все в классе, положите книги. Не смей стучать!

Я бросилась к парте, содрала свою сумку со стула, сгребла учебник и тетрадь и вылетела из кабинета. Учитель что-то продолжал громко вещать. Да пошел он! Вместо мыслей в голове — страх и ярость, ноги ватные, руки не слушались, но я кое-как двигалась вперед. Как говорит папа — выхаживала нервы. Я так часто делаю. Иду, иду куда-то быстро, и в голове постепенно пустеет.

Где-то через полчаса мне действительно полегчало. Я пошла медленнее, чтобы отдышаться и успокоиться.

К школе я вернусь, только когда придет автобус, который отвезет меня домой.

— Почему вы не позвонили папе? — осторожно спрашивает полицейский.

Сочувствует типа. Ненавижу такое. Мне нельзя быть жалкой. Я должна быть сильной.

— Папе не до того. Да и что бы он сказал? «Иди в класс, парни шутят»?

— А они шутят? Может быть, это травля? Ну, буллинг, знаете? Вообще-то это довольно жестоко.

— Они просто идиоты и издеваются над всеми. Тра-та-та... Думают, это смешно. — Я нарочно выпрямляюсь, я равнодушная и взрослая. — Что они знают про самолеты и бомбы? Живут свою идиотскую идеальную жизнь в своих домах, со своими родителями, в своей идиотской школе. — Мне все грустнее, и я говорю все громче и злее.

— Ну, я бы тут поспорила насчет идеального, — шеплет социальный педагог или кто она там. Надо же, это ее первая реплика. И, судя по равнодушному виду, последняя.

— Разберемся, — как-то рассеянно говорит полицейский. — Аде... лия, что произошло дальше, как вы сцепились с одноклассником?

С одноклассником я «сцепилась» не знаю как. От школы я пошла в сторону реки. Никогда раньше не жила в портовом городе, это так странно — огромная гулкая вода, контейнеры, подъемники и всякие суда, большие и маленькие. Весь этот город как будто живет судоходством, все работают в порту или как-то связаны с рекой.

Здесь два порта — новый, огромный, красивый и современный. В него заходят большие блестящие теплоходы, лайнеры и грузовые суда. И маленький старый в другом конце города, почти заброшенный, в него иногда еще приходят суда на разгрузку. Но чаще на ремонт или вообще на пенсию.

Как это все объяснить полицейскому? В общем, я пошла в старый порт. Не на охраняемую часть, а туда, где старый контейнерный терминал, — там не огорожено. Там как в кино про бандитов — огромные разноцветные контейнеры составлены друг на друга, каждый размером с большой автобус. Среди контейнеров — несколько подъемных кранов. Тоже на пенсии, видимо, — обшарпанные и унылые. Ну, я и бродила там, злилась на школу и одноклассников, ненавижу их. Особенно Геру и его дружков. Увидела лестницу — вроде бы прочная. Я поднялась на крышу «трехэтажного» контейнера, а там — другой кадр из другого фильма.

Там лежал огромный старый шерстяной ковер. Такой бордовый ковер с узорами. На ковре — горчичного цвета потрепанное кресло, наискосок — деревянное кресло-качалка и между ними журнальный столик, сваренный, кажется, из старого металлического ящика. А еще облезлый деревянный комод бирюзового цвета. Такой типа стиль романтический лофт. Хотя мама назвала бы это кучей хлама. Впрочем, все это неважно, потому что на горчичном кресле сидел... мой одноклассник Мирик. Сидел и смотрел на меня.

Мирик бесит меня больше всех. Есть, конечно, Гера, который ржет как конь. Есть Антон — увалень и неудачник. Майя, которая всегда отсаживается от меня.

Вообще одноклассники — полный сброд. Но Мирик самый мутный.

Вот представьте нашу школу и класс. Школа практически на краю города и «со специальным уклоном». Что это за специальный уклон такой и куда он уклоняется — никто не знает. У нас учатся все, кто не смог учиться в других школах. Кого-то выгнали за дисциплину, кого-то за успеваемость. Мальчиков здесь гораздо больше, чем девочек. У нас вот в классе тринадцать мальчиков — чертова дюжина, ага. И всего три девочки, и это считая меня.

Я все пытаюсь угадать, как тут все оказались. Про кого-то сразу понятно, а кто-то загадка. Скажем, я здесь потому, что эта школа ближе всего к лагерю для беженцев, и у города получилось организовать для меня школьный автобус. В нашем пункте размещения из моих ровесников только я, все остальные намного младше и ездят на другом автобусе в другую школу.

А Мирик в «специальном уклоне» наверняка из-за того, что он самый невыносимый в городе человек. Никто не понимает, что у него в голове. Он вроде как всегда вежливый. Но с другой стороны, ему на все наплевать. Вечно уткнется в свой телефон и сидит с умным видом. Тоже мне, директор корпорации. И шутки у него такие... Шутки вежливого человека. Вроде ничего такого не сказал, при этом попал в самое больное место — и живи с этим. Бесит. Держись от него подальше.

И вот, значит, он сидел там. В кресле. И смотрел на меня. Я вообще не понимала, что сказать.

— Добрый день, — сказал Мирик, как вежливый робот. Говорю же, противный. И имя еще это дурацкое.

— Привет! — Поздоровалась, а сказать больше и нечего. Как теперь выкрутиться? Разговаривать после всего не хотелось. Убегать тоже. А то выйдет, что я такая только и делаю, что хватаю свои вещи и бегу.

— Нашла мое место? Я думал, здесь никого не бывает. Заходи.

— Твое место? Это ты, что ли, сам тут все устроил? А мебель и ковер?

— Здесь много разных вещей. Собрал потихоньку. Прихожу сюда, когда мама... — Он помолчал. — Когда получается, в общем.

Мирик отвернулся и стал смотреть на реку. Вид, кстати, с контейнера был шикарный. Вода, птицы, суда — супер. Но я так и не знала, что делать, прямо патовая ситуация — как в шахматах. Садиться в кресло и молча сидеть, как два пня, глупо. Уходить — нелепо.

— Сегодня на математике... — начал Мирик.

Ну, сейчас начнет шутить.

— Сами идиоты. — Я его перебила.

— Да нет... я на математике пошел за тобой, меня учитель отправил. И не нашел. Быстро ты ходишь.

— А чего мне было делать? Я, может, вообще в эту школу больше не вернусь.

— Чем займешься?

Ишь ты, какой хладнокровный. Ему что, совсем меня не жаль?

— Есть дела поинтереснее. — Я как будто со стеной говорила.

А и правда: чем я займусь? Друзей, увлечений, даже семьи у меня больше нет. Поддержки никакой. Нет ни прошлого, ни будущего. И так мне себя жалко стало. Да еще

Мирик этот. Опять он видит меня слабой. Слезы подступали неудержимо, вот-вот расплачусь.

— Знаешь что... ты меня бесишь так! Твое спокойствие это вечное. Чего смотришь? Какое тебе дело, чем я займусь? Что ты вообще про меня знаешь? Думаешь, самый умный? А сам-то чего в школе для отстающих?

— Ну-у-у, технически это не для... — Уфф, опять нудит на равнодушном.

— Технически — не технически! Тебя забыли спросить!

— Может, продолжим разговор завтра? Когда будет полегче?

— По-о-о-о-легче?! Кому, мне? Ты меня завтра не увидишь, так что никаких «завтра». И берегись, это я только начала!

Я пнула его рюкзак, он оказался неожиданно легким. Мирик равнодушно смотрел, как его вещи планируют на три контейнера вниз, прямо на гору арматурин, ящиков и палок. Я закатила глаза и стала спускаться за рюкзаком. Все-таки нехорошо получилось.

— Прости, пожалуйста, — пробурчала я снизу.

— Не важно, — ответил Мирик сверху. — Оставь его. У меня есть другой.

— О, да ты богатенький, что ли? А мне купишь?

— А тебе надо?

Вообще, если честно, мне надо. У нас своих вещей почти нет, кроме документов. Я даже смартфон там оставила. С собой взяла только ключи с мягким медвежонком на брелочке. Ключи от квартиры, в которую я вряд ли вернусь. Бред, конечно. А здесь нам выдали какую-то одежду, обувь и все для школы — канцелярские принадлежности, дешевые сумки и ранцы. Это называется

«гуманитарная помощь». Шмотки, конечно, кринж полный, вообще не сочетаются, и я в них как лох. Это отдельная моя боль, позже расскажу.

Но Мирику об этом знать не обязательно. Короче, я просто фыркнула что-то. И вообще — попробуй умничать и язвить на неродном языке. Задолбаешься!

К тому же у Мирика зажужжал телефон, и он тоже стал спускаться. А я дотянулась наконец до лямки его рюкзака, дернула ее, что-то там зацепилось, я дернула еще, и он порвался. С мерзким таким звуком распался на две части. Я обернулась на Мирика, а он спокойненько шел к выходу.

— Эй, прости!

— Ничего страшного. — Он даже не повернулся.

— Дай хоть тетради соберу!

— Не, не надо. Можешь себе забрать, если хочешь. — Он даже не остановился.

В смысле: забрать? Типа я глупее или что? Или в смысле, что я такая бедная, что мне нужно чужое? Я же извинилась, чего ему еще надо! И вообще, он сам первый начал. Короче, я сгребла его барахло, догнала уже на набережной и прямо перед ним зашвырнула все в реку.

— Если тебе не надо, то вот! — крикнула я.

— Ми-и-и-ри-и-и-ик! — Недалеко остановилась машина, с заднего сиденья кричала и махала рукой радостная женщина в модном прикиде. — Я тут! А где твой рюкзак?

— Рюкзак я разорвала, а его вещи в реке, — сообщила я. Блин, надо было остановиться еще двадцать минут назад. Но меня несло. — И это еще не все! В следующий раз я просто поколочу его палкой!

Палкой? Серьезно? Как будто мне пять лет!

Мирик молча сел в машину, даже не обернулся. Женщина что-то возмущенно причитала, он захлопнул дверь, и они уехали.

Я побрела к школе. Надо было успеть на школьный автобус, иначе домой не попадешь. Настроение было тошнотное. Что сказать папе? Как прогулять завтра школу? Как я поеду сейчас со всеми в автобусе? Зачем я так вела себя с Мириком и как купить этому придурку новый рюкзак и новые учебники? На душе было паршиво, а ладони зудели после этого гадкого портового хлама. Помощи ждать было неоткуда. Казалось, хуже уже не будет.

Но на автобус я опоздала. А женщина в машине оказалась мамой Мирика. И она — «очень уважаемый человек в городе» — позвонила, причем не в школу, а сразу в полицию. Так что у входа меня ждали директор, полицейский и женщина с протоколом и старомодной прической.

И вот я здесь. Сажу и жду папу. Какие все-таки монстры живут в этой стране! Что вообще я здесь делаю? Я их не понимаю, и они меня тоже.